

- 1 -

«Казанский биржевой листок» 1889, 24 марта, № 67

с. 1-2

А. И. Иванова. Драматический талант

Литературные заметки.

Товарищественности. Поворотъ къ лучшему въ молодой беллетристич. Г. Чеховъ и его пьеса „Дядя въ“. Нить въ нашей жизни и литератур. Характеръ Иванова, его апація и причины ея. Дѣйствіе драмы въ связи съ характеромъ Иванова. Докторъ Альбовъ и его общественное значеніе. Его отношеніе къ Ивану. Характеристика его личности въ повѣсти Самы. Остатки драмы, ее значение. ~~Въ повѣсти „Дядя въ“~~ Самъ Иванова.

Современная наша беллетристика особенно бѣдна хорошими изображеніемъ жизни культурнаго слоя людей, а настоящихъ много давно уже не появлялось въ ней. Дѣло въ томъ, что настѣла такъ называемая „товарищественность“, что мы совсѣмъ разучились относиться къ жизни безъ предвзятыхъ взглядовъ. Большинство нашихъ беллетристовъ являются лириками, публицистами, социологами, а меньше всего художниками, стремившимися возможно правдивѣе изобразить окружающую насъ жизнь. Они не рисуютъ объективно людей, ихъ характеровъ, не воспроизводятъ жизни, а вропавдываютъ непременно какую-либо идею, то общественную, то нравственную, которая и руководитъ поступками ихъ героевъ. Между тѣмъ, безъ свободного отношенія къ жизни, безъ преобладающаго интереса къ ней самой, не можетъ быть и художественнаго творчества, но крайней мѣрѣ реальнаго изображенія жизни. Ра въ бы напр. Тургеневъ могъ правдиво изобразить Рудина, если бы онъ видѣлъ въ немъ только представителя чуждыхъ идей, а не лицо, не характеръ, слишкомъ интересны самъ по себѣ, чтобы дѣлать ихъ орудіемъ пропаганды.

Въ послѣднее время въ нашей беллетристич. замѣчается поворотъ къ лучшему, хотя еще въ очень слабой степени. Гаршинъ напр. былъ настоящимъ художникомъ, но лица его рассказовъ служили болѣе для выраженія его личнаго настроенія и почти не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Г. Короленко, чрезвычайно талантливый въ изображеніи народной жизни, оказался въ изображеніи культурной тоже публицистомъ въ значительной степени. Наибольшую свободу творчества, почти полное отсутствіе предвзятости, проявилъ

до сихъ поръ изъ всѣхъ молодыхъ беллетристовъ г. Чеховъ. За это многіе въ печати нападали на него, видѣли въ его произведеніяхъ отсутствіе будто бы содержательности, но послѣднее было вовсе несправедливо. Если его произведенія въ большинствѣ не представляли широкаго общественнаго интереса, то лишь по тому, что талантъ его еще не вполне созрѣлъ, а не вслѣдствіе его свободнаго, истинно художественнаго отношенія къ жизни.

Такое отношеніе къ жизни молодого беллетриста принесло уже теперь обильные плоды и несомнѣнно принесетъ ихъ еще болѣе въ будущемъ. Оказалось, что этотъ художникъ, котораго критики упрекали въ бездѣйности творчества, создаетъ произведенія такіа интересныя въ общественномъ смыслѣ, какихъ не создавали другіе беллетристы, неустанно проповѣдующіе самыя хорошія, плодотворныя мысли. Онъ уже успѣлъ напечатать нѣсколько очень интересныхъ типовъ нашего времени, напр. въ очеркахъ: „По пути“, „Именины“, а особенно въ драмѣ „Ивановъ“, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Свѣтъ“. Въ послѣднемъ произведеніи выступаетъ уже очень типическое явленіе нашей жизни, а лица такъ живы, такъ глубоко схвачены, что, оглядываясь вокругъ, мы находимъ ихъ на каждомъ шагѣ и встрѣчаемъ даже въ насъ самихъ. Поэтому, несмотря на нѣкоторые недостатки этого произведенія, оно представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій нашей литературы за послѣднее время.

Давно уже многихъ поражаело въ русской жизни быстрое измѣненіе людей во взглядахъ и въ настроеніи, когда они переходятъ изъ юношескаго возраста въ зрѣлый. Человѣкъ, вчера еще энергичный, сильный, вѣрившій въ жизнь и людей, превращается сегодня унылымъ, пессимистомъ, относится къ жизни холодно и безучастно. Особенно часто такое явленіе наблюдается на людяхъ хорошихъ, честныхъ, прививавшихъ все въ жизни глубоко къ сердцу, пока это сердце не устало, не измучилось. При особенной интенсивности нашей жизни

въ послѣднее время, при рѣзкихъ ея перебивахъ, явленіе это такъ разрослось, что сама литература перешла на нѣтъ, жалобами на жизнь, на обстоятельства, чуть ли даже не на природу. Нить въ разнообразныхъ формахъ сдѣлалось преобладающимъ мотивомъ поэзіи, беллетристики, сильно распространилось и въ самой жизни. Не разъ оно было у насъ предметомъ изображенія, безпристрастнаго у старыхъ писателей, напр. у Тургенева (коллекція его „лишнихъ людей“), и субъективно-апологическаго у новыхъ, напр. въ повѣстяхъ г.г. Альбова, Баранцевича и др.

Этотъ преобладающій въ послѣднее время мотивъ нашей жизни не могъ не обратить на себя вниманія художника такого чуткаго, какъ г. Чеховъ. Самъ онъ, по натурѣ своей, человѣкъ вполне здоровый, чуждый всего ненормальнаго, психопатическаго, почему былъ способенъ отнестись къ этому явленію съ объективностью наблюдателя. Характеръ юншаго человѣка въ лицѣ Иванова схваченъ имъ такъ хорошо, такъ оригинально и типически, что онъ можетъ даже войти въ общедовое обращеніе, какъ Рудинъ, Обломовъ, Неждановъ и друг. При этомъ авторъ вовсе не повторяетъ „лишнихъ людей“ Тургенева, но изображаетъ свсего „вытика“ со всѣми типическими модификаціями, которыя внесло въ этотъ типъ наше время. Значеніе нити выступаетъ здѣсь особенно рѣзко потому, что привало оно характеръ почти болѣзни, рѣзкаго психическаго переворота. Самъ Ивановъ, какъ человѣкъ безусловно прямой и честный, понимаетъ свою апацію какъ болѣзнь, не носитъ съ нею, не трубитъ о ней, какъ о подвигѣ, но глубоко страдаетъ и желалъ бы отъ нея избавиться. „Если—говоритъ онъ о себѣ—неглупый, образованный и здоровый человѣкъ, безъ всякой видной причины сталъ пѣть Лазаря и покатылся по наклонной плоскости, то катить уже безъ удержа и нѣтъ ему спасенія“.

Ивановъ, какъ сообщаетъ и онъ самъ, и близкіе ему люди, былъ прежде со-

всѣмъ новымъ человѣкомъ. „Вѣровалъ я — говорить онъ — не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ на право и на лѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ уѣздѣ“... О характеръ его дѣятельности можно судить отчасти изъ его совѣта доктору Львову: „да храни въ васъ Богъ отъ всевозможныхъ рациональных хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей“, при чемъ прибавляетъ, что жизнь, которую онъ, Ивановъ, пережилъ, ужасно утомительна. Теперь изъ одной крайности впалъ онъ въ другую, (какъ это обыкновенно бываетъ), отрицаетъ все свое прошлое и проповѣдуетъ самую обидную жизнь. „Не женитесь вы — говорить онъ — ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на свинихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше“... Для него, усталого и смятаго жизнью, сѣренькое, незамѣтное существованіе кажется тихимъ убѣжищемъ, котораго онъ напрасно жаждетъ, потому что спокойствіе уже недоступно ему.

Онъ самъ вѣрно понимаетъ причину своей апатіи, своей тоски, хотя и не можетъ найти на нее лекарства. „У меня — говорить онъ — былъ рабочій Семенъ. Разъ, во время молотбы, онъ захотѣлъ похвастать предъ дѣвками своей силой, извадилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что и я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты“... И дѣйствительно, онъ представляетъ образчикъ нервнаго переутомленія, явленіе паталогическое, но тѣмъ не менѣе живущее глубокой общественной смысломъ, какъ болѣзнь вѣка. „Если — говорить Ивановъ Лебедеву — когда-нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится молодой человѣкъ, горячій, искренній, не глупый, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятилетіе, сражается съ мельницами, бьется лбомъ

о стѣны, если увидишь, что онъ ввалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ его спина и таятся жилы, то скажи ему: не сѣйни расходовать силъ на одну молодость, побереги ихъ для всей жизни: пляши, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба. Въ 30 лѣтъ уже настанетъ покаяніе и ты будешь старъ. Съ тяжелой головой, съ гнѣвной душой, утомленный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ ты, ты будешь слоняться среди людей и не знать: кто ты? зачѣмъ живешь? что хочешь“?... Такое раннее и чрезвычное напряженіе силъ было повальнымъ у молодого поколѣнія 60-хъ и 70-хъ гг., которое теперь и поживаетъ плодомъ его.

Перемена, происшедшая въ Ивановѣ, оскорбляетъ его, какъ человѣка умнаго и хорошаго, и онъ даже начинаетъ презирать себя. „Какъ глубоко — говорить онъ — я ненавижу свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту озею, свои мысли. Ну, не сѣшно ли, не обидно ли? Еще года пять, какъ я былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими своими руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невинныхъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! Утомился, не вѣрю, въ бездѣлныя провозу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Ничѣмъ идетъ прахомъ, лѣса трещатъ подъ топороми“... Умомъ онъ, какъ мы замѣтили выше, постигаетъ причину своей перемены, но сердцемъ не можетъ примириться съ ней. „Что же со мной? — говорить онъ. Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что стало съ моими нервами?... Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто, хоть пулю въ лобъ!“..

Таковъ главный герой драмы, не-

мѣмъ котораго даже названа она, потому что всѣ остальные герои играютъ въ ней подчиненную роль. Дѣйствіе разыгрывается на почвѣ разочарованности Иванова, обнаруживая всю жалкую несостоятельность его въ жизни. Мы застаемъ его уже въ періодъ сильнаго развитія апатіи, когда онъ ввалилъ уже опустился, весь въ долгахъ, окруженъ самыми мелкими и пустыми людьми, съ которыми не могъ бы смѣло ужиться прежде, когда не надломлена была еще его воля. Царь его управляющій Боркинъ, жизнерадостный, веселый плутъ, компрометируетъ его безцѣнными проектами, а онъ не имѣетъ силы разстаться съ нимъ, и тотъ же Боркинъ, въ сущности ограниченный и мало развитый, относится къ нему съ снисхожденіемъ. Общество, самое пустое, грязное, захолустное общество, одушевлено въ нему страшной враждебностью, клеветаетъ на него, слетничаетъ. Онъ выходитъ изъ общаго уровня, что обыкновенно не прощадятъ; теперь же при томъ всѣ чувствуютъ, что онъ опустился, ослабѣлъ, а это еще болѣе побуждаетъ всѣхъ къ нападкамъ на него. Только люди простые, чистосердечные и глубоко сами опустившіеся, какъ старикъ Лебедевъ, продолжаютъ къ нему относиться съ прежнимъ уваженіемъ.

Въ семейной жизни его начинается тоже разладъ: онъ перестаетъ любить свою жену, прещеную еврейку, которая пожертвовала для него всѣмъ, и родными, и богатствомъ. Она живетъ только имъ, не надѣется на него, тогда какъ онъ постоянно пропадастъ изъ дому... Онъ безпокойно ищетъ чего-либо, что могло бы возбудить его духъ, а она всѣмъ, плачетъ, и этимъ еще болѣе отвращаетъ его отъ себя. Углубленный въ свои собственные страданія эгоистъ, какъ всѣ страдающіе, онъ не умѣетъ повѣять сердцемъ ея положенія, не умѣетъ беречь покой ея. „Вы вотъ говорите мнѣ — обращается онъ къ доктору Львову, — что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую то пустоту, утомленіе. Если со стороны поглядѣть на меня, то это, вѣ-

роятно, ужасно; самъ же я не понимаю что дѣлается съ моей душой"... Призваніе ужасное, возбуждающее глубокое состраданіе къ Иванову, но докторъ Львовъ, не способный разбираться въ тонкостяхъ душевнаго состоянія, только возмущается его поведеніемъ. „Въ вашемъ голосѣ, въ вашей интонаціи, не говоря уже о словахъ—звучитъ онъ Иванову,—столько бездушнаго эгоизма, холоднаго безсердечія... Не могу вамъ высказать, нѣтъ у меня дара слова, но... но вы мнѣ глубоко несимпатичны"!..

Въ семействѣ Лебедева, куда часто ѣздилъ Ивановъ, есть молодая дѣвушка Саша, энергическая, дѣльная совершенно чуждая всякаго нитя. Ее охотнее видитъ Ивановъ, чувствуя при ней нѣкоторое облегченіе, быть можетъ даже безсознательно ищеть любви, какъ лекарства отъ тоски, хотя сознательно онъ вовсе не стремится къ ней. Сама она ему объясняется въ любви, а онъ говоритъ ей въ смущеніи: „къ чему, къ чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!"... Поэтому онъ сейчасъ же, какъ всѣ нервно разстроенные люди, мгновенно возбуждается, мечтаетъ о новой жизни, о дѣятельности: „это что же такое? это значитъ начать жить сначала? Шурочка, да?... счастье мое!"... Вскорѣ его возбужденіе проходитъ, и оставшись наединѣ съ собой, онъ признается, что вѣрить въ эту жизнь и счастье, столько же, какъ въ домового. „Возбудить и поднять мой духъ—говорить онъ—можно до самаго неба, но послѣ возбужденія, наступаетъ похмелье, и мой духъ падаетъ еще ниже, чѣмъ былъ"...

Любовь его къ Сашѣ является для него роковымъ ударомъ, потому что безмѣрно усложняетъ его жизнь, а для человѣка съ такой расшатанной волей даже малѣйшее усложненіе затруднительно. Гдѣ ему справиться съ подавляющей путаницей отношеній, любить Сашу и вмѣстѣ беречь больную чахоточную жену, когда онъ не можетъ разсбаться даже и въ своихъ дѣвственныхъ дѣлахъ. Жена его, узнавъ случайно о

его отношеніяхъ къ Сашѣ, начинаетъ упрекать его въ подлости, потому что и она, какъ и всѣ, перестала понимать его. Онъ раздражается несправедливыми обвиненіями, ведетъ себя глупо-жестокъ, наконецъ, наноситъ ей непоправимый ударъ, говоря ей о скорой смерти. Когда жена его умерла, всѣ обвиняютъ его въ подлости, говорятъ, что онъ уморилъ жену, чтобы жениться на богатой. Самъ онъ чувствуетъ невозможность связать свою жизнь съ жизнью дѣвушки чистой, нравственно здоровой, тогда какъ онъ почти трупъ, какъ чувствовалъ тоже и Неждановъ въ Тургеневской „Нови". При этомъ онъ догадывается, что она перестала любить его, замѣчая его безнадежную слабость, безнадежное паденіе. „Откажись—убѣждаетъ онъ ее предъ самой свадьбой. Пойми, что въ тебѣ говорить не любовь а упрямство честной натуры. Ты задалась цѣлью во что бы то ни стало воскресить во мнѣ человѣка, спасти, тебѣ льстило. что ты совершаешь подвигъ"... Львовъ обвиняетъ его публично въ подлости, а онъ застрѣливается, т. е. разрубаетъ горло узелъ, потому что не въ силахъ былъ его развязать со своей ослабленной волей.

Едва ли нужно еще останавливаться на глубокомъ значеніи характера Иванова, въ которомъ указана дѣйствительная болѣзнь нашего вѣка, распространенная очень широко. Какъ мы замѣтили выше, этотъ типъ (хотя и въ другой формѣ) затрогивался многими, а въ вѣстахъ новѣйшихъ авторовъ фигурировалъ въ совершенно ложномъ освѣщеніи. Г. Чеховъ понялъ его вполне правильно и представилъ вполне оригинально; онъ указалъ на его происхожденіе, генезисъ, и создалъ такое же глубокое произведеніе, какъ извѣстная „Исповѣдь сына вѣла" Альфреда Мюссе. Можно пожалѣть только, что характеръ этотъ мало прослѣженъ въ дѣйствіи и больше чувствуется, чѣмъ понимается. Если исключить мѣста, гдѣ Ивановъ характеризуетъ себя самъ, гдѣ онъ говоритъ о себѣ, то многое въ его поступкахъ будетъ вовсе непонятно, какъ оно и было раньше въ первоначальной

редакціи драмы *).

Очень тонко и умно поставилъ авторъ рядомъ съ Ивановымъ доктора Львова, составляющаго, быть можетъ, еще болѣе распространенный въ нашей жизни типъ, чѣмъ самъ Ивановъ. ИстORIA послѣдняго времени даже характеризуется преобладаніемъ въ обществѣ то того, то другаго типа. Господа Львовы фигурировали въ драмахъ, романахъ, въ общественной жизни, и считались безусловно героями. Всюду они выступали со своей прямолинейной, деревенской честностью, со своимъ непониманіемъ отбѣнокъ, дѣла мѣръ на подлецовъ и честныхъ, видя лишь черное и бѣлое и не замѣчая никакихъ другихъ цвѣтовъ. „Узкій, прямолинейный лекаръ—говоритъ о Львовѣ графъ Шабельскій. Дорогу честному труду! Оретъ на каждомъ шагу какъ попугай и думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ второй Добролюбовъ. Кто не оретъ, тотъ подлецъ. Взгляды удивительные по своей глубинѣ. Если мужикъ зажиточный и живетъ по человѣчески, значитъ подлецъ и кулакъ. Я хожу въ бархатномъ пиджакѣ и одѣваюсь меня лакей—я подлецъ и крѣпостникъ. Николаю по вечерамъ не сидится дома—тоже подлецъ: значитъ жену мучаетъ, чтобы въ гробъ ее уложить и на богатой жениться. Такъ честенъ, такъ честенъ, что всего расприраетъ его отъ честности. Я даже боюсь его... Ей-ей... Того и гляди, что изъ чувства долга по рылу хватить или подлеца пустить... Бездарная, безжалостная честность"...

Да, честность Львовыхъ дѣйствительно бездарная и безжалостная честность. Они не умѣютъ войти въ побужденія человѣка, разбирать обстоятельства, ломать съ плеча и смѣло обзываютъ всѣхъ подлецами, кто думаетъ и поступаетъ не такъ какъ они. По своей ограниченности, они полагаютъ, будто въ ихъ рукахъ истина, что они идеально честны и непогрѣшимы, не знаютъ угрозы ній совѣсти и безжалостно казнятъ „темную силу", „торжествующее зло".

*) Драма игралась въ Москвѣ еще въ началѣ прошлаго года. Теперь она значительно переработана, дополнена, а кое въ чемъ и совершенно измѣнена.

Приведемъ адѣсь цѣликомъ мнѣніе Саши, обращенный къ Львову, когда послѣ своего поступка, онъ желаетъ ей раскрыть глаза, просить его выслушать. „Что же вы можете сказать?—отвѣчать она ему. Что вы честный человѣкъ? это вся свѣтъ знаетъ! Вы лучше скажите мнѣ по чистой совѣсти: понимаете ли вы себя или нѣтъ? Вошли мы сейчасъ сюда какъ честный человѣкъ и нанесли ему страшное оскорбленіе, которое едва не убило меня; раньше, когда вы преслѣдовали его какъ тѣмъ и мѣшали ему жить, вы были упрямы, что исполняете свой долгъ, что вы честный человѣкъ. Вы вмѣшивались въ его частную жизнь, злословили и судили его—гдѣ только можно было, забрасывали меня и всѣхъ знакомыхъ анонимными письмами и все время думали что вы честный человѣкъ. Думаю, что это честно, вы, докторъ, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрѣніями. И какое бы насиліе, какую бы жестокою подлостью вы не сдѣлали, вамъ все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человѣкъ“...

ни, хотя такое значение несомненно. Понял их автор вполне правильно, вполне глубоко, но только не сумел передать их с тщательностью, соответствующей глубине понимания.

Остальные лица драмы развиты еще меньше, хотя и их тоже можно хорошо угадывать, за исключением жени Ивана, довольно неопредѣленной. Саша тоже набросана всего нѣсколькими чертами, но она гораздо опредѣленнѣе и яснѣе. Это дѣвушка простая, честная, нѣчто въ родѣ Маріинны Тургенева, но крайней мѣрѣ по своей рѣшительности. Она увлекается Ивановымъ, какъ человѣкомъ несчастнымъ, которому нужна поддержка, котораго нужно лезть отъ его тоски и паденія. „Всякой дѣвушкѣ—говоритъ она—скорѣй понравится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазнить любовью дѣлательная... Я люблю тебя, это значитъ, что я мечтаю, какъ я вылезу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобой на край свѣта... Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше“... Отецъ называетъ это „психонатіей“, и въ словахъ его есть частичка правды, хотя психонатія эта глубоко честная и возвышенная. Сама она начинаетъ потомъ сомнѣваться въ своемъ увлеченіи, ощущать передъ свадьбой рискованность своего шага. „Если бы ты зналъ—говоритъ она отцу,—какъ мнѣ тяжело! Невыносимо! Мнѣ неловко и страшно призываться въ этотъ“.

Подурно вышелъ старикъ Лебедевъ, опустившійся пьяница, слабый и жалкій человѣкъ, но глубоко симпатичный по своей добротѣ, по сознанию своей слабости и терпимому отношенію ко всему на свѣтѣ. Хорошъ и Шабельскій, по виду озабоченный свѣтликъ и ворчунъ, но въ основаніи своемъ простой и добрый человѣкъ, что проглядываетъ постоянно сквозь лозмотія его Дюженина плаща. Боркинъ представляетъ натуру вполне несложную, по виду кошенникъ, а между тѣмъ просто поверхностный малый, изъ тѣхъ, которыхъ даже называютъ „добрыми малыми“. Онъ кутила, весельчакъ, душа общества, и даже его подлости носятъ характеръ добродушной виртуозности, какъ

бы совершенства из любви к искусству. „Виртуозы! — говорить о нем Шубельский. Каждый день родит по нескольку проектов, хватается за перо, но все не из пользы! Никогда него грома глупаго не бывает, а карнавал!...

Роскопнул все сказанное нами, заключить въ заключение, что драма г. Чехова не исполнению не совсѣмъ удачно-творительна. Почти всѣ дѣйствующие лица ея развиты нѣсколько отрицательно, оставляютъ многихъ угадывать, потому что не имѣютъ должнымъ авторомъ. Какъ бы то ни было, лица живы, типичны, а нѣкоторые, напримеръ Львовъ и Иванковъ, и глубокиты, какихъ уже давно не встрѣчалось въ нашей литературѣ. Въ общемъ же драма написана удивительно живо, талантливо, почему читателя охватываютъ, захватываютъ интересомъ. Несомнѣнно теперь, что имѣетъ будущее г. Чехова писателя быть можетъ первокласснаго, который скажетъ намъ многое о нашей жизни, если будетъ продолжать идти дальше по той нивѣ, на которой вступилъ теперь.

Оставаясь на остальных страницах „Св. Вѣст.“ почти ничего, да и то мало живого интереса представляли они. Упомянемъ только, что въ этомъ номерѣ начала статьи г-жи Мамъ-Данъ о нѣмецкомъ школьномъ дѣлѣ въ Америкѣ, статья обстоятельная и интересная, какъ и всѣ статьи этой писательницы. Не безъ интереса также можно прочесть коммунистическую статью г-на В.: „Жизнь Джона Стюарта Милля“, составленную на основаніи новой биографіи послѣдняго, написанной оксфордскимъ профес. Кертисомъ. Достоинство этой статьи въ томъ, что она въ высшей степени оригинальна и интересна. Судя по началу, она не особенно глубока и оригинальна, но наша публика такъ мало знакома съ метафизической философіей, что нельзя не признать ея относительною новизны.

A. Ynionwili

«Дробыш-Дробышев-
ский» Кар-ков-ни
1640

Последний абзац
не печатать